

Научная статья

УДК 13.11.58

doi: 10.20323/1813-145X-2021-5-122-218-225

Развитие и трансформации массовой культуры

Владимир Николаевич Липский

Доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии ФГБОУ ВО «Академия государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий». 129366, г. Москва, ул. Бориса Галушкина, д. 4

vlazamos@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1483-0705>

Аннотация. В статье показывается, что возникновению феномена массовой культуры в ее нынешнем понимании предшествовал длительный период становления. Начав свое формирование с различного рода массовых зрелищ еще до нашей эры, массовая культура только к середине XX в. оформилась в современный вид культурной практики. Констатируется, что на протяжении длительного периода массовое и «высокое» искусство состояли в оппозиции, так как их ценностные принципы противоречили друг другу. Вместе с тем в развитии массовой культуры наступает период, когда для ее эффективного воздействия на массовое сознание в дальнейшем ей потребовалась «свежая кровь», и в этой ситуации ее интересанты обратили взоры к «высокому» искусству. В статье высказывается мысль о том, что эта метаморфоза имела под собой и коммерческую подоплеку, но вместе с тем данная трансформация ознаменовала новый этап в становлении анализируемого феномена.

Показано, что, вступив во взаимодействие с «высоким» искусством, массовая культура не только трансформируется сама под его воздействием, но и своеобразным образом будирует изменения в самом элитарном искусстве. Отмечается, что в «высоком» искусстве это воздействие может вызвать ценностные патологии. Фиксируется внимание на том, что движение массовой культуры напоминает своеобразные маятниковые колебания, на которые влияют и система ценностей, сложившихся в рамках общественного устройства, и ход социально-исторического процесса. В зависимости от этого, использование заложенных в массовую культуру СМИ и СМК механизмов может трансформировать ее в феномен, проявляющий себя различным образом. В статье это показано на материале использования массовой культуры в качестве образовательного средства на различных этапах развития: и во времена СССР, и в период пандемии коронавируса в 20-е гг. XXI в., а также на материале применения механизмов массовой культуры в политехнологиях для манипулирования общественным сознанием.

Ключевые слова: массовая культура, элитарная культура, «высокое» искусство, трансформации, ценности

Для цитирования: Липский В. Н. Развитие и трансформации массовой культуры // Ярославский педагогический вестник. 2021. № 5 (122). С. 218-225. <http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2021-5-122-218-225>.

Original article

Development and transformation of mass culture

Vladimir N. Lipsky

Doctor of philosophical sciences, professor, head of the department of philosophy, Academy of state fire-fighting service. 129366, Moscow, Boris Galushkin st., 4

vlazamos@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1483-0705>

Abstract. The article shows that the phenomenon of mass culture in its current understanding is preceded by a period of formation. Having begun its transformation with various kinds of mass spectacles even before our era, mass culture only by the middle of the XX century took shape into a modern kind of cultural practice. It is stated that for a long period, mass and «high» art were in opposition, since their value principles contradicted each other. At the same time, there comes a period in the development of mass culture when it needed «fresh» blood for its effective impact on the mass consciousness in the future, and in this situation its interested parties turned their eyes to «high» art. The article suggests that this metamorphosis had a commercial background, but at the same time this transformation marked a new stage in the formation of the analyzed phenomenon.

It is shown that having entered into interaction with «high» art, mass culture not only transforms itself, under its influence, but also in a peculiar way initiates changes in the elite art itself. Attention is fixed on the fact that the

movement of mass culture resembles a kind of pendulum fluctuations, which are influenced by the system of values that have developed within the framework of the social structure, and the course of the socio-historical process. Depending on this, the use of mechanisms embedded in mass media and mass communication media can transform it into a phenomenon that manifests itself in various ways. This is shown in the article on the material of the use of mass culture as an educational tool at various stages of development: both during the USSR and during the coronavirus pandemic in the 20s of the XXI century, as well as on the material of the use of mass culture mechanisms on political technologies to manipulate public consciousness.

Keywords: mass culture, elite culture, «high» art, transformation, values.

For citation: Lipsky V. N. Development and transformation of mass culture. *Yaroslavl pedagogical bulletin*. 2021;(5):218-225. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2021-5-122-218-225>.

Введение

Большинство исследователей, анализирующих феномен массовой культуры, давно определились с тем, что формально понятие «массовая культура» впервые появилось в 40-х гг. XX в. в работах М. Хоркхаймера и Д. Макдональда, посвященных анализу TV. Однако понятие и сущность далеко не всегда тождественны – между ними имеется определенная дистанция. Применительно к массовой культуре это, кроме прочего, означает, что данный феномен, оформившись в понятие в границах своего существования к середине XX в., до этого должен был пройти определенный путь, который, как можно предположить, для такого сложного и неоднозначного феномена, скорее всего, был весьма и весьма длительным. Очевидно, массовые действия и зрелища, имевшие место в любой национальной культуре, в известном смысле могут рассматриваться как предтеча массовой культуры.

Массовые зрелища времен античности, проявлявшиеся чаще всего в театрализованной форме, и олимпийские игры этого периода, русское скоморошество, появившееся еще в языческие времена, всевозможные религиозные зрелища Средних веков и т. д. с определенной долей вероятности можно назвать предпосылками будущей массовой культуры, оформившейся лишь к середине XX в. как вид культурной практики. Оформление данного вида культурной практики в самостоятельный феномен стало следствием новоевропейских процессов модернизации, которые впоследствии концентрическими кругами стали распространяться по различным регионам мира (и процессы и сама практика).

Ценностно-нормативная примитивность массовой культуры с начала своего формирования не была представлена в своего рода «чистом виде» и в той или иной мере взаимодействовала с другими частями культуры: «высокой» и народной. К примеру, крупные русские художники XIX в. «не ограничивались лишь жанрами “высокой” элитарной культуры, и сознательно обращались к “стандартам” массовой культуры своего времени» [Кондаков, 2019, с. 212]. При этом «просто-

народное» изложение, например, сказок у А. Пушкина было наполнено глубоким социально-философским смыслом: «Сказка – ложь, да в ней намек! Добрым молодцам урок». То есть феномен формирующейся массовой культуры уже в процессе своего «созревания» предстает сложным и неоднозначным образованием.

Методы исследования

В ходе анализа автор опирался на принципы междисциплинарного знания, под которыми, в первую очередь, следует понимать синтез культурологического и эстетического знания, а также социальной философии. При этом доминантную роль играли методы культурологического знания, среди которых автор использовал историко-сравнительный метод для анализа эволюции феномена массовой культуры, начиная от периода появления массовых зрелищ до ее нынешнего состояния. Помимо этого использовались функциональный и типологический методы, понадобившиеся для анализа национальных особенностей анализируемого феномена. Автор придерживался системного подхода в понимании культуры: традиционной, элитарной и массовой. При изучении любого социального феномена невозможно продвигаться, не опираясь на методологию социальной философии, которая понимает социальные процессы как тенденции, а не истину, как это принято в естественно-научном знании. В основу авторского анализа были положены произведения классиков художественной литературы, а также работы ученых-эстетиков и культурологов: Н. И. Киященко, Е. Н. Карцевой, Т. С. Злотниковой и др.

Результаты исследования

Получив формальный статус, как отмечалось, к середине XX в., массовая культура уже на стадии своего формирования всегда соседствовала с «настоящей» культурой. Другое дело, что в зависимости от ценностно-целевых установок конкретного автора, а впоследствии и властно-коммерческих интересов, ее формы и содержание трансформировались в нужную манипуляторам в каждом отдельном случае сущность. Следует от-

метить, что на протяжении длительного периода массовое и «высокое» искусство, за редкими исключениями, состояли в оппозиции друг другу прежде всего в системе ценностных координат. Поэтому русские классики уже со середины XIX в. самым негативным образом относились к проявлениям массовой культуры в литературе. Например, великий русский сатирик Салтыков-Щедрин в своих критических статьях негативно оценивал так называемые «народные книжки» князя В. Львова [Липский, 2019, с. 161]. Столь же отрицательно сатирик относился и к проявлениям массовой культуры в музыкальном жанрах: «Массовое искусство Салтыков не признавал, поэтому и в эстрадной песне, и в легком музыкальном жанре, и в новых жанрах народной песни (жестокое романсы) он видел важнейший “признак времени” – упадок культуры» [Строганов, 2016, с. 222].

Появлению феномена массовой культуры к середине XX в. способствовали западная модернизация и формирование общества массового потребления. С самого своего утверждения в массовой культуре получает оформление ее устойчивая оппозиция элитарной культуре, что, в первую очередь, было связано с аксиологической выхолащенностью массовой культуры. Вполне справедливо в этот период в советской эстетике и искусствознании понятие «массовая культура» исследователи пишут в кавычках [Карцева, 1974]. Отметим, что значительный период в развитии массовой культуры связан с ее активным противостоянием культуре элитарной. Вместе с тем массовая культура, являясь в целом глобализационным феноменом, на разных этапах своего становления неоднородно проявляла себя по отношению к элитарной культуре.

Если на заре своего становления массовая культура находилась в абсолютном противостоянии элитарной культуре, то со временем ситуация в соотношении этих двух типов культур постепенно меняется. А. Н. Кожаринова, анализируя феномен массовой культуры (ссылаясь на работы постмодернистов Ж. Деррида, М. Фуко, У. Эко и др.), делает вывод, что «в их работах окончательно оформилась идея “снятия” оппозиции между элитарной и массовой культурой» [Кожаринова, 2015, с. 100]. Сложность социальных феноменов, в которых участвуют субъекты, делает их весьма неопределенными и труднопрогнозируемыми, к тому же эти феномены бывают всегда «привязаны» к определенной национальной культуре. Вместе с тем нельзя не признать, что тенденция «снятия оппозиции» подмечена объективно и ближе к концу XX в. в развитии

массовой культуры начинается этап, в рамках которого она (очевидно, движимая, в первую очередь, коммерческими интересами интересантов) «взяла» курс на сближение с «высоким» искусством.

На эту тенденцию с некоторых пор обратили внимание исследователи разных стран. Известный советский и российский эстетик Н. И. Кияшенко в фундаментальной монографии по массовой культуре пишет, что «для создания предметов и явлений массовой культуры все заинтересованные в нем стороны и субъекты привлекают и творцов, и языки, и образные открытия высокой культуры и искусства...» [Кияшенко, 2003а, с. 47]. Этап оппозиции массовой культуры элитарной сменяет этап своеобразной интродукции: введения массовой культурой в свое «поле» «проблематики, символики, метафоры и формальных приемов творчества» [Мельников, 2018, с. 116], по своему усмотрению заимствованных ею у элитарной, отмечает белорусский ученый. Однако не только массовая культура осваивает «поле» элитарной [Густякова, 2017, с. 411] – то же происходит и с элитарной культурой: это имеет место и в оперном, и в драматическом театрах, в музыке, кино (например, оперные постановки Серебренникова, музыкальные произведения Губайдуллиной, Денисова, «Дом, который построил Джек» фон Триера).

Кроме собственно художественных задач, побуждающих художников идти на контакт с массовой культурой, перед авторами, работающими в жанрах «высокого» искусства, рынок ставит и задачи финансовые, так как основные средства приносят массовые зрелища (сериалы, музыкальные шоу и пр.), поэтому художники, создающие высокохудожественные произведения, в разных формах сотрудничают с массовой культурой. Так, великий С. Крамер «никогда не скрывал, что связь искусства с производством есть жизненная необходимость, но только при том условии, что искусство является доминирующим и контролирующим партнером в этом брачном союзе» [Кияшенко, 2003б, с. 49], так как массовое искусство, в отличие от «высокого», погружено в глубины человеческого бытия и духа, погружено в мир мифов, иллюзий, создание штампованных образов, «сконструированных» по законам коммерции. Вот только найти меру, соблюдение которой позволит искусству остаться «доминирующим и контролирующим партнером», не всегда получается, ибо ради «хайпа», привлечения публики, даже в театрах с великой классической традицией, скатываются на путь разрушения той самой традиции (спектакль «Чу-

десный грузин» с О. Бузовой во МХАТе им. А. П. Чехова).

При всех различиях и неоднозначности трех типов культур, система культуры носит целостный характер, поэтому и традиционная (народная), и элитарная (выросшая из классической), и массовая культура взаимосвязаны, так как, к примеру, и А. Пушкин, Л. Толстой писали в народном стиле (в частности, толстовские журнал «Ясная Поляна», «Азбука» и др. произведения), а элитарный Феллини в XX в. снимал рекламные фильмы, чтобы заработать средства для съемок своих «высоких» фильмов. Мироззрение художника (как и любого человека) представляет собой сложную систему взглядов: религиозных, эстетических, политических и пр., в которой все части сложной системы своеобразным образом взаимодействуют между собой, оказывая воздействие друг на друга. В этом смысле мироззрение художника гомогенно – каждая часть системы и самостоятельна и специфически развита.

Подобно этому дифференцируются и эстетические взгляды художников, работающих в формах элитарной, традиционной и массовой культуры, так как невозможно установить границ внутри творческой рефлексии. Рефлексия отдельного художника – следствие культурного опыта всего социума, хотя понятно, что она не является прямолинейной детерминантой. Кроме того, на мироззрение художника оказывает влияние и сам творческий процесс, а «облагораживающее влияние собственного творчества» [Киричек, 2010, с. 123] способно побуждать самого художника к мировоззренческим изменениям.

Анализируя взаимодействие трех типов культур, исследователи чаще обращают внимание на взаимодействие элитарной и массовой культуры. Кроме того, анализ чаще направлен на заимствование массовой культурой идей, метафор, образов и пр. культуры элитарной. В связи с этим методологически принципиально необходимо рассмотреть, происходит ли «стирание граней»: как трансформируются элитарная и массовая культура под влиянием друг друга, представляется весьма важным понять, ведет ли это взаимовлияние к вытеснению «высокой» культуры массовой.

Переход массовой культуры от этапа оппозиции элитарной культуре к этапу взаимодействия с ней ведет к трансформациям внутри массовой культуры, так как «кентаврские черты находятся внутри массовой культуры» [Злотникова, 2015, с. 20]. Очевидно, исследование «кентавризма» массовой культуры в будущем еще

предстоит, ибо динамизм этого феномена, способного, с одной стороны, к своеобразной интродукции в разных формах, с другой – к использованию разнообразия преобразований, осуществляющихся в контексте цифровой эволюции и революций, «загадает» еще не одну загадку.

При всей своей неоднозначности и противоречивости феномен массовой культуры доказал свою живучесть, выдержав конкуренцию у времени. Массовая культура пережила определенную эволюцию, всевозможные изменения – от явления, крайне критически трактуемого в нашем прошлом искусствознании и эстетике, до феномена, сохранившего свою противоречивость и неоднозначность, но при этом продолжающего сложные трансформации, обусловленные СМИ и СМК. Ее нынешние трансформации не только созвучны коммерческим ценностям, но и связаны с формированием в ее лице явления, конкурентного в вопросах совершенствования социальных институтов. В 20-е гг. XXI в. в период всеобщего перехода на дистанционную работу и образование, вызванные пандемией, массовая культура продемонстрировала скрытые в ней социально значимые резервы. В период острейших социальных катаклизмов, связанных с пандемией коронавируса, когда человечество вынуждено было перейти к деятельности, не связанной с социальными контактами между людьми, массовая культура посредством СМК взяла на себя роль своеобразного контактера: в сложной ситуации она продемонстрировала «высокий образовательный потенциал: обучение различным знаниям и навыкам и популяризация науки стали социально значимыми функциями массовой культуры, которые реализуются в различных форматах в соответствии с целевой аудиторией» [Барышева, 2019, с. 245].

В контексте коммуникационных механизмов, заложенных информационными технологиями в массовую культуру, в ней проявился значительный позитивный потенциал. Это оказалось возможным благодаря тому, что в тенденциях развития современной массовой культуры «вдруг» возникли антропологические, а не только коммерческие ориентации. Вероятно, можно предположить, что эти ориентации благодаря СМИ и СМК изначально существуют в массовой культуре, но вопрос в том, как и кто эти социальные инструменты применяет. В зависимости от этого внутри массовой культуры «можно выделить множество слоев, создающих своеобразную иерархию...» [Ермишина, 2015, с. 133]. Со временем, в зависимости от ценностно-целевых установок при использовании указанных соци-

альных инструментов оказалось, что «...массовая культура – это не только примитивная, стереотипизированная продукция, зависящая от желания аудитории (и владельца “инструмента”. – В. Л.), но и достаточно обширная информация, позволяющая индивиду понять и интерпретировать происходящее в окружающем его мире, что позволит ему сформировать образцы социальных практик, создать запас социальных “знаний”, которые помогут человеку...» [Овсянникова, 2018, с. 136]. Отметим, что определенную роль при этом играет и адекватное восприятие аудиторией информации и превращение ее в знание [Ходикова, 2019, с. 22].

Нужно сказать, что использование ресурсов и инструментов массовой культуры для достижения положительного воздействия на массовую аудиторию в нашей стране в свое время стало внедряться сразу после революции 1917 г. Это был тип массовой культуры, абсолютно не похожий на западную массовую культуру, который вошел в мировую историю как проект под названием «Культурная революция». Большевики начали его осуществление с ликвидации безграмотности, так как подавляющее большинство населения не умело ни читать ни писать: «В качестве результата этого процесса стало создание впервые в новейшей истории массовой культуры, соответствующей новой социальной структуре, основанной на высоких интеллектуальных и моральных стандартах и принципиально отличной от массовой культуры западного типа, связанной с феноменом общества потребления» [Родькин, 2017, с. 24]. Предметом нашего анализа не являются причины, в силу которых победу одержал западный тип массовой культуры, хотя поверхностный ответ на этот вопрос очевиден. Говоря об очередной форме трансформации массовой культуры, отметим, что проникновение в нее антропологических смыслов способно превратить этот феномен в искусство для масс или преобразовать его (выхолостив из него человекоцентризм) в масскульт.

Продолжением позитивной линии советской массовой культуры были многочисленные произведения искусства в кино, литературе и других видах искусства, просветительские и образовательные программы времен СССР, такие, к примеру, как «Клуб кинопутешественников» (1960), «В мире животных» (1968). Большие мастера и знатоки своего дела В. А. Шнейдеров и А. М. Згуриди популярно рассказывали о богатой природе и фауне нашей страны и всего мира. Эти передачи пользовались в СССР большой популярностью и вызывали у нашего массового зри-

теля неподдельный интерес. Столь же популярными и познавательными были передачи «Кинопанорама» (1962) и «Очевидное-невероятное» (1973) с блистательными ведущими А. Я. Каплером и С. П. Капицей. Ведущий «Кинопанорамы» сценарист Каплер доходчиво и со знанием дела знакомил зрителей с историей кинематографа, уровнем его развития на тот период, актерами и другими участниками кинопроцесса. В свою очередь, умение известного ученого П. Капицы объяснить сложные проблемы из различных областей науки отличало не только самого ведущего, но и приглашенных на программу исследователей. Это был как раз тот идеальный случай, когда потенциал ТВ самым успешным образом выполнял функцию просвещения массового зрителя.

Помимо просветительских, массовая культура того периода использовала и художественные средства для формирования нравственно положительных ценностей у подрастающего поколения (к примеру, на это была нацелена практически вся детская мультипликация). В современной России мультипликационный потенциал массовой культуры используется явно недостаточно, хотя определенные шаги в этом направлении предпринимаются (сериалы «Смешарики», «Фиксики», «Лунтик и его друзья»). Словом, массовая культура в своих позитивных формах в нашей стране еще со времен СССР активно осваивала «поле» массовых коммуникаций в целях просвещения и нравственного развития широких слоев населения.

Специфика массовой культуры состоит в том, что в процессе своего движения она способна постоянно адаптироваться к формирующимся обстоятельствам, совершая по ходу этого процесса своеобразные маятниковые колебания. Как и любой социальный феномен, она, как отмечалось, подвижна и динамична, в особенности если брать во внимание, что этот феномен прямо и опосредованно связан с отношениями собственности. В силу зависимости от социально-политических процессов массовой культуре свойственны постоянные трансформации соответственно коррелятивно указанным процессам. В этом движении массовой культуре свойственно проявлять себя и со знаком плюс и со знаком минус [Костина, 2011, с. 43]. Полагаем, что это своеобразная константа массовой культуры, в ее современной интерпретации во всяком случае.

Массовая культура как редко какой другой социальный феномен чувствительна и к отношениям собственности, и к политико-идеологическим колебаниям «маятника». Под влиянием этих ко-

лебаний трансформации происходят внутри самой массовой культуры. С другой стороны, отмечается процесс обратного воздействия массовой культуры на социум: она формирует нормы и стандарты в социуме. Процессы модернизации и, как их следствие, цивилизационные сдвиги, осуществляющиеся в западном мире, привели к перереформированию традиционных идеалов и смыслов, стиранию гендерных различий, деградации семейных ценностей и пр.: «Это следствие смены культурных приоритетов, десакрализации представлений о добре и зле... В современной массовой культуре герои и злодеи перестали быть однозначными и односторонними... и именно стадия перехода и сблизил эти образы практически до полного их слияния» [Хлыщева, 2018, с. 123-124].

Такая экстравертированность массовой культуры переориентирует матрицу современной западной цивилизации, и связано это не только с современными медиа- и интернет-технологиями, но, главным образом, с глубокими социальными катаклизмами внутри самого западного социума. Манипуляции и политехнологии, отточенные с помощью «инструментов» массовой культуры, максимально способствовали тому, чтобы ложь стала внешне неотличимой от правды. Так, например, в целях подготовки вторжения войск США в Ирак в 2003 г. была организована массовая дезинформация мирового сообщества. Газета «Christian Science Monitor» от 06.09.2002 г. сообщала, что 15-летняя дочь кувейтского министра информации по имени Наира, работавшая в больнице, якобы видела, как иракские солдаты ворвались в больницу и выбрасывали из инкубаторов новорожденных кувейтских детей. Эмоционально, со слезами на глазах, она лжесвидетельствовала об этом в Конгрессе США задолго до вторжения американских войск в Ирак. Об этом написал Том Риган в статье под названием «Размышляя о войне, опасайтесь младенцев в инкубаторах» [Regan, 2002]. И до и после «инструменты» массовой культуры американская пропаганда неоднократно использовала с целью всевозможных манипуляций и продолжает эту линию [Кошмаров, 2019, с. 84-96], на которую, собственно, была нацелена американская массовая культура с момента возникновения.

В содержание массовой культуры капитализм в соответствии со своей природой изначально вложил, во-первых, сугубо рыночный принцип: все, что так или иначе входит в социум, должно приносить прибыль. Для достижения этой цели весьма подходящим средством оказалось искусство. Заинтересованные в этом процессе силы

сметнули, что это должно быть не то классическое искусство, которое существовало в разные эпохи в разных странах, а нечто совсем иное. В искусстве оставили лишь «клубничку», гипертрофировали примитивные и низменные инстинкты человека, изъяли стержень искусства – его нравственную составляющую. Побывавший в самом начале 30-х гг. прошлого века в США советский писатель И. Эренбург вспоминал, как он, по протекции одного из русских эмигрантов, предложил на студии «Коламбия» сценарий для фильма и продюсер Майльстоун по прочтении сказал ему: «Слишком много социального и мало сексуального. Не такое теперь время, чтобы швырять деньги на ветер» [Эренбург, 1967, с. 7]. Во-вторых, параллельно с коммерческой в западной массовой культуре появилась идеологическая составляющая, ставшая мощным средством политического влияния США и Западной Европы [Бжезинский, 2005, с. 442].

Заключение

Таким образом, феномен массовой культуры, являясь интернациональным явлением, в процессе своего «созревания» претерпевал различного рода трансформации, обусловленные социально-ценностными ориентациями и национальными особенностями. По ходу своего становления и развития феномен массовой культуры постоянно взаимодействовал и с народной и с «высокой» культурой. Это взаимодействие не носило безоблачного характера. Контакты массовой культуры с элитарной длительное время были враждебными, в первую очередь в системе ценностных координат: сверхзадачей, заложенной в массовую культуру, являлось получение коммерческой выгоды, и этой установки последняя придерживалась неукоснительно, тогда как элитарная («высокая») культура была нацелена на создание образов, описывающих глубокие чувства, мысли и переживания человека. Этап враждебности этих двух типов культур в конце концов завел в тупик массовую культуру, и владельцы средств массовой коммуникации столкнулись с необходимостью «подпитки» массовой культуры за счет образов, метафор, символики и пр., свойственных «высокой» культуре, а затем параллельно наступил период, когда элитарная культура стала заимствовать определенные мотивы и сюжеты массовой культуры. Рискнем предположить, что от этого взаимодействия у массовой культуры приобретений значительно больше, чем у элитарной.

Важным этапом в развитии массовой культуры стал период мировых локдаунов, во время которых она, при отсутствии всеобщих контактов

между людьми, способствовала формированию образцов «социальных практик», предоставив человеку и работнику не эрзац, а реальную активность.

Вместе с тем «кентавризм» массовой культуры и механизмы, заложенные в нее СМИ и СМК, делают ее удобным инструментом в руках властно-финансовой элиты, которая, таким образом, манипулирует массовым сознанием. Следовательно, массовая культура, в зависимости от ценностно-целевых установок тех, кто этим инструментом владеет, может проявлять себя и со знаком плюс и со знаком минус.

Библиографический список

1. Барышева Ю. С. Образовательный потенциал современной массовой культуры как агента социализации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. № 6 (22). С. 236-246.
2. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Геополитика, Антология / сост. Н. Н. Ашенкамф, С. В. Погорельская. Москва : Академический проект, 2005. 1002 с.
3. Густякова Д. Ю. Репрезентация русской классической оперы в пространстве массовой культуры : монография. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2017. 411 с.
4. Злотникова Т. С. Диалог о методологии социокультурного исследования массовой культуры в России / Т. С. Злотникова, Л. П. Киященко // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 3. С. 211-219.
5. Карцева Е. Н. «Массовая культура» в США и проблема личности. Москва : Наука, 1974. 260 с.
6. Киричек А. В. Художественное творчество и личность художника: к вопросу о психологии художественной деятельности : сборник научных статей «Проблемы духовной культуры современного российского общества». Москва : Академия ГПС МЧС России, 2010. 164 с.
7. Киященко Н. И. Динамизм соотношения: народные, массовые и элитарные культура и искусство (методологический аспект) // Массовая культура и массовое искусство: «за» и «против» : монография. Москва : Гуманитарий, 2003. 510 с.
8. Массовая культура и массовое искусство: «за» и «против». Москва : Гуманитарий, 2003. 510 с.
9. Кожаринова А. Р. Массовое производство символической продукции: стратегии присваивания // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2019. № 4. С. 96-100.
10. Кондаков И. В. Индивидуальная массовая культура в истории России // Вестник культурологии. 2019. № 2(89). С. 211-213.
11. Костина А. В. Традиционная, элитарная и массовая культура: условия возникновения и особенности функционирования в условиях современности // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2011. № 2 (26). С. 39-45.
12. Кошмаров М. Ю. Пропаганда как инструмент

создания нового общественного договора // Право и политика. 2019. № 11. С. 84-96.

13. Липский В. Н. Позитивизм и натурализм у истоков масскульта // Ярославский педагогический вестник. 2019. № 1 (106). С. 160-163.
14. Овсянникова Т. А. Современная массовая культура и общество: особенности взаимодействия / Т. А. Овсянникова, М. А. Болохова // Экономические и социальные исследования регионов. 2018. № 5. С. 134-137.
15. Родькин П. Е. Великая Октябрьская Социалистическая революция 1917 года и первый в истории опыт массовой культуры // Историческая социально-образовательная мысль. 2017. Т. 9. С. 1-6.
16. Строганов М. В. Салтыков и Оффенбах: К истории массовой культуры середины XIX века // Щедринский сборник. 2016. Выпуск 5. С. 221-225.
17. Хлыщева Е. В. Герой – антигерой современной массовой культуры: трансформация ценностных ориентиров // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2018. № 3 (56). С. 120-124.
18. Ходикова Н. А. Логика и критическое мышление: история и современность // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2019. № 3 (203). С. 22-25.
19. Эренбург И. Люди, года, жизнь. Книги четвертая, пятая, шестая. Собр. соч. : в 9-ти т. Т. 9. Москва : Художественная литература, 1967. 798 с.
20. Мельников А. П. Массовая и элитарная культура в современном обществе: грани взаимодействия // Весці БДПУ . Серыя 2. Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Соцыялогія. Эканоміка. 2018. № 2. С. 112-117.
21. Tom Regan. The Christian Science Monitor. 2002. 6.09.

Reference list

1. Barysheva Ju. S. Obrazovatel'nyj potencial sovremennoj massovoj kul'tury kak agenta socializacii = Educational potential of modern mass culture as an agent of socialization // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2019. № 6 (22). S. 236-246.
2. Bzhezinskij Z. Velikaja shahmatnaja doska. Geopolitika, Antologija = Great chessboard. Geopolitics, Anthology / sost. N. N. Ashenkampf, S. V. Pogorel'skaja. Moskva : Akademicheskij projekt, 2005. 1002 s.
3. Gustjakova D. Ju. Rerezentacija ruskkoj klasischeskoj opery v prostranstve massovoj kul'tury = Representation of Russian classical opera in the space of mass culture : monografija. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2017. 411 s.
4. Zlotnikova T. S. Dialog o metodologii sociokul'turnogo issledovanija massovoj kul'tury v Rossii = Dialogue on the methodology of sociocultural research of mass culture in Russia / T. S. Zlotnikova, L. P. Kijashhenko // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2015. № 3. С. 211-219.

5. Karceva E. N. «Massovaja kul'tura» v SShA i problema lichnosti = «Mass culture» in the United States and the problem of personality. Moskva : Nauka, 1974. 260 s.
6. Kirichek A. V. Hudozhestvennoe tvorcestvo i lichnost' hudozhnika: k voprosu o psihologii hudozhestvennoj dejatel'nosti = Artistic creativity and personality of the artist: to the question on psychology of artistic activity: sbornik nauchnyh statej «Problemy duhovnoj kul'tury sovremennogo rossijskogo obshhestva». Moskva : Akademija GPS MChS Rossii, 2010. 164 s.
7. Kijashhenko N. I. Dinamizm sootnoshenija: narodnye, massovye i jelitarnye kul'tura i iskusstvo (metodologicheskij aspekt) = The dynamism of the relationship: folk, mass and elitist culture and art (methodological aspect) // Massovaja kul'tura i massovoe iskusstvo: «za» i «protiv»: monografija. Moskva : Gumanitarij, 2003. 510 s.
8. Massovaja kul'tura i massovoe iskusstvo: «za» i «protiv» = Mass culture and mass art: «for» and «against». Moskva : Gumanitarij, 2003. 510 s.
9. Kozharinova A. R. Massovoe proizvodstvo simvolicheskoj produkcii: strategii prisvaivanija = Mass production of symbolic products: assignment strategies // Nauchnye trudy Moskovskogo gumanitarnogo universiteta. 2019. № 4. S. 96-100.
10. Kondakov I. V. Individual'naja massovaja kul'tura v istorii Rossii = Individual mass culture in the history of Russia // Vestnik kul'turologii. 2019. № 2(89). S. 211-213.
11. Kostina A. V. Tradicionnaja, jelitarnaja i massovaja kul'tura: uslovija vznikovenija i osobennosti funkcionirovanija v uslovijah sovremennosti = Traditional, elitist and mass culture: conditions of emergence and peculiarities of functioning in modern conditions // Vestnik Cheljabinskoi gosudarstvennoj akademii kul'tury i iskusstv. 2011/2 (26). S. 39-45.
12. Koshmarov M. Ju. Propaganda kak instrument sozdanija novogo obshhestvennogo dogovora = Propaganda as a tool for creating a new social contract // Pravo i politika. 2019. № 11. S. 84-96.
13. Lipskij V. N. Pozitivizm i naturalizm u istokov masskul'ta = Positivism and naturalism at the origins of the masscult // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2019. № 1 (106). S. 160-163.
14. Ovsjannikova T. A. Sovremennaja massovaja kul'tura i obshhestvo: osobennosti vzaimodejstvija = Modern mass culture and society: features of interaction / T. A. Ovsjannikova, M. A. Bolohova // Jekonomicheskie i social'nye issledovanija regionov. 2018. № 5. S. 134-137.
15. Rod'kin P. E. Velikaja Oktjabr'skaja Socialisticheskaja revoljucija 1917 goda i pervyj v istorii opyt massovoj kul'tury = The Great October Socialist Revolution of 1917 and the first ever experience of mass culture // Istoricheskaja social'no-obrazovatel'naja mysl'. 2017. T. 9. S. 1-6.
16. Stroganov M. V. Saltykov i Offenbah: K istorii massovoj kul'tury sereдины XIX veka = Saltykov and Offenbach: to the history of mass culture of the mid-XIX century // Shhedrinskij sbornik. 2016. Vypusk 5. S. 221-225.
17. Hlyshheva E. V. Geroj – antigeroy sovremennoj massovoj kul'tury: transformacija cennostnyh orientirov = Hero – antihero of modern mass culture: transformation of value guidelines // Kaspijskij region: politika, jekonomika, kul'tura. 2018. № 3 (56). S. 120-124.
18. Hodikova N. A. Logika i kriticheskoe myshlenie: istorija i sovremennost' = Logic and critical thinking: history and modernity // Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Severo-Kavkazskij region. Obshhestvennye nauki. 2019. № 3 (203). S. 22-25.
19. Jerenburg I. Ljudi, goda, zhizn'. Knigi chetvertaja, pjataja, shestaja = People, years, life. Books four, five, six // Sobr. soch. : v 9-ti t. T. 9. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1967. 798 s.
20. Mel'nikov A. P. Massovaja i jelitarnaja kul'tura v sovremennom obshhestve: grani vzaimodejstvija = Mass and elitist culture in modern society: facets of interaction // Vesci BDPU . Seryja 2. Gistorija. Filasofija. Palitologija. Socijalogija. Jekonomika. 2018. № 2. S. 112-117.
21. Tom Regan. The Christian Science Monitor. 2002. 6.09.

Статья поступила в редакцию 12.08.2021; одобрена после рецензирования 10.09.2021; принята к публикации 25.09.2021.

The article was submitted on 12.08.2021; approved after reviewing 10.09.2021; accepted for publication on 25.09.2021.